

DOI: 10.31857/S086919080024941-2

ИДЕОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКОГО МИРОВОГО ДОМИНИРОВАНИЯ
В «СБОРНИКЕ ЛЕТОПИСЕЙ» РАШИД АД-ДИНА¹

© 2023

Ю.И. ДРОБЫШЕВ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: В статье излагаются результаты, полученные в ходе работы по выявлению в средневековых письменных источниках сюжетов, демонстрирующих проявления монгольской имперской идеологии и позволяющих не только четко обозначить ее контуры и содержание, но и с максимально возможной точностью установить момент перехода монголов от грабительских и карательных экспедиций к планомерному подчинению всего известного им мирового пространства. Для достижения поставленной цели в данной работе были проанализированы материалы, содержащиеся в коллективном труде «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»), составителем и, видимо, основным автором которого был персидский врач и крупный администратор еврейского происхождения Фазлаллах Рашид ад-Дин Хамадани (1247–1318), служивший при дворе ильханов Газана (1295–1304) и Олджейту (1304–1316). Это произведение по праву считается одним из важнейших источников по Монгольской империи. По количеству сведений о ее предыстории и ранней истории ему нет равных. В «Сборнике летописей» содержится уникальная информация о духовном климате степей в XII – начале XIII вв., о личности Тэмучжина/Чингисхана (1162?–1227), проливающая свет на его представления о мировом пространстве и возможные замыслы относительно его подчинения, о завоевательных планах его потомков и их реализации. Трудно назвать аспект имперской идеологии монголов, в том числе в его развитии, который не нашел бы отражения на его страницах. Рашид ад-Дин, как человек, занимавший высокие посты в государстве ильханов, имел весьма широкий доступ к информации, ввиду чего его слова, в целом, заслуживают доверия и во многих случаях подтверждаются другими источниками. Несмотря на то, что ко времени составления его труда Монгольская империя как единое целое давно не существовала, «Сборник летописей» пронизан идеей единства монголосферы и власти монголов над всей землей.

Ключевые слова: Рашид ад-Дин, монгольские завоевания, Монгольская империя, имперская идеология, Чингисхан, Ильханат.

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Идеология монгольского мирового доминирования в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 48–58. DOI: 10.31857/S086919080024941-2

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-18-00166 «Отложенный план завоевания мира: монголы и Запад, 1219–1260 (Русь, Центральная Европа, Ближний Восток)».

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00166 “Deferred Plan for World Conquest: The Mongols and the West, 1219–1260 (Rus, Central Europe, Middle East)”.

IDEOLOGY OF THE MONGOL WORLD DOMINATION
IN "THE COLLECTION OF CHRONICLES" BY RASHID AL-DIN

© 2023

Yuliy I. DROBYSHEV ^a^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: *The article presents the identification results of different manifestations of the Mongol imperial ideology in the collective work "Collection of Chronicles" ("Jami al-tawarikh"), the compiler and, apparently, the main author of which was a Persian doctor and a major administrator, Fazlallah Rashid al-Din Hamadani (1247–1318), who served at the court of Ilkhans Gazan (1295–1304) and Oldjeitu (1304–1316). This work is rightfully considered one of the most important sources on the history of the Mongol Empire. In terms of amount of information about its prehistory and early history, it has no equal. The "Collection of Chronicles" contains unique information about spiritual climate of the steppes in XIIth – early XIIIth centuries and the personality of Temujin/Genghis Khan (1162?–1227), shedding light on his ideas about the world space and possible plans regarding its subjugation. The source also looks into the conquering plans of his descendants and their implementations. It is difficult to name an aspect of the Mongol imperial ideology in its dynamics and development that was not reflected on the pages of the "Collection". Rashid al-Din, as a person who held high positions in the Ilkhanate, had wide access to information, which is why his words, in general, deserve trust and in many cases are confirmed by other sources. Despite the fact that by the time this work was compiled, the Mongol Empire as a whole had not existed for a long time, the "Collection of Chronicles" is permeated with the idea of unity of the Mongol world and the Mongols' power over the whole Earth.*

Keywords: Rashid al-Din, Mongol conquests, Mongol Empire, Imperial ideology, Chingis Khan, Ilkhanate.

For citation: Drobyshev Yu.I. Ideology of the Mongol World Domination in "The Collection of Chronicles" by Rashid al-Din. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 48–58. DOI: 10.31857/S086919080024941-2

Капитальный труд Рашид ад-Дина² имеет большую ценность как источник по имперской идеологии средневековых монголов. Он дает возможность лучше понять скрытые механизмы монгольской экспансии в XIII в., а также нащупать тот момент в ее развитии, когда имперская элита сформулировала в качестве своей цели установление власти над «всей землей» и приступила к ее осуществлению. Как правило, таким моментом считают решение *курултая* 1235 г., зафиксированное в «Сборнике летописей». Этот *курултай* описывается и в книге Ала ад-Дина Ата-Мелика Джувейни (1226–1283), проанализированной нами в том же ключе ранее, однако там он не датирован [Дробышев, 2023, с. 170]. Следует заметить, что эта важная дата еще не дает нам ключа к ясному пониманию трансформации монгольского военного потенциала из грабительского в захватнический, т.е. не позволяет назвать точное время возникновения монгольских претензий на владение всей ойкуме-

² Помимо издания трудов Рашид ад-Дина в оригинале и переводах, его личности и сочинениям посвящено огромное число статей и несколько монографий. Из числа последних можно назвать: [Krawulsky, 2011; Rashid al-Din, 2013; Kamola, 2019].

ной, по-видимому, произошедшей почти на полтора десятилетия раньше, еще при жизни Чингисхана³.

Сочинение Рашид ад-Дина сложно для изучения ввиду его большого объема и обилия содержащейся в нем информации. Как придворный историк, автор внес в свой нарратив явный панегирический акцент. Он составил «Сборник летописей» несколько десятилетий спустя утраты в монгольском мире единства и рассмотрел фрагменты имперской идеологии в региональном, ильханидском ракурсе в свете ислама, что в совокупности привело к практически неизбежным и, по-видимому, иногда довольно сильным искажениям. Поэтому необходимо отделить сведения об идеологическом фундаменте Монгольской империи от сообщений, относящихся к более поздней эпохе.

Ко времени написания «Сборника летописей» завоевательный импульс монголов практически повсеместно иссяк. Попытки Газана поставить под свой контроль Сирию или Олджейту – Гилян были одними из последних и не самых успешных военных предприятий потомков Чингисхана. Несмотря на это, утверждения Рашид ад-Дина, что род Чингисхана покорил всю землю, и все султаны подчиняются ему, вполне естественны для придворного историка, и мы не видим большой пользы в заострении внимания на этом вопросе. Вместе с тем, Рашид ад-Дин, как, пожалуй, никто другой из пишущей братии своей эпохи, осознавал необходимость мира, в котором еще оставалось много неподвластных монголам стран, поэтому он время от времени, перечисляя захваченные территории, говорит о подчинении не всех, а большинства государств, но и в этом случае допускает преувеличения: «В данное время... [все] страны и концы населенной части мира находятся в обладании Чингизханова рода, мудрецы и астрологи, ученые и историки, [принадлежащие] к людям [разных] вероисповеданий и национальностей, вроде обитателей Северного и Южного Китая [Хитай и Мачин], Индии и Кашмира, Тибета и Уйгурии и других народов: тюрок, арабов и франков; [все] они толпами собрались на службу [нашему] небоподобному величеству...» [Рашид ад-Дин, 1952(1), с. 47]. Подобных цитат при желании можно привести еще довольно много.

Один из важнейших и до сих пор окончательно нерешенных вопросов монгольской истории – вопрос о завещании Чингисхана. Все известные нам источники, в которых о нем говорится, позволяют уверенно полагать, что оно существовало только в устной форме. Следовательно, средневековые историки имели серьезные шансы на получение искаженной информации о его содержании, а могли и сами что-то додумать. Определенное сходство источников наблюдается в том, что Чингисхан давал наставление своим сыновьям относительно дальнейших действий, однако, если в одних случаях речь идет о необходимости быть единомышленными, то в других указываются конкретные военные мероприятия, которые надо осуществить. Каких-либо сведений о завещании Чингисхана по завоеванию всей земли в источниках нет, за исключением сообщений Иоанна де Плано Карпини (1182–1252) и его спутника Бенедикта Поляка (ок. 1202 – ок. 1280), относящихся уже ко второй половине 1240-х гг. [Плано Карпини, 2022, с. 148, 160, 165; *Христианский мир*, 2002, с. 117]. Почти все остальные известия более поздние и принадлежат европейским авторам, причем прозвище монгольского хана звучит далеко не всегда: нередко просто утверждения, что «татары намереваются покорить весь свет».

³ Если предполагать, что впервые мысли о подчинении всех земных владык родились в голове Чингисхана в ходе успешной военной кампании против Хорезма, то все-таки должно было пройти какое-то время, прежде чем они оформились в виде продуманной концепции мирового доминирования с конкретным планом ее реализации. Нам представляется, что у Чингисхана просто не было времени на размышления, так как после разгрома государства хорезмшахов он был вынужден поспешить в Монголию, где проявили непокорность кочевые племена, подстрекаемые тангутами. Источники не содержат информации о репрессиях, развернутых им в степях после своего возвращения в 1225 г., но хорошо известно, что он без долгих промедлений отправился в карательный поход на тангутскую державу, где и скончался, в целом успев достичь поставленных целей.

В этой связи заслуживает внимания сообщение Рашид ад-Дина, что на тангутской земле Чингисхан, заболев, призвал своих сыновей на тайное совещание, где объявил наследником Угэдэя (1229–1241) и дал наставление. Среди прочего там якобы прозвучали такие слова: «Кто же будет стремиться к доблести и славе, к военным подвигам, завоеванию царств и покорению мира (курсив наш. – Ю.Д.), [тот] пусть состоит на службе у Тулуй-хана» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 8]⁴. Действительно, младший сын Чингисхана Тулуй (1191–1232) сни-скал славу превосходного полководца своими военными операциями в Хорасане. Однако имеем ли мы достаточные основания считать эту фразу подлинной? Один из важных источников информации для Рашид ад-Дина – сочинение Джувейни «История покорителя мира» – говорит лишь о назначении Угэдэя главой империи [Juvaini, 1997, p. 180–183]. По «Сокровенному сказанию монголов», Чингисхан выбрал Угэдэя еще до хорезмской кампании [Козин, 1941, § 255], хотя этот рассказ выглядит не вполне правдоподобным. «Юань ши» («История [династии] Юань») и «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Записки о личных походах Священно-воинственного», т.е. Чингисхана) такой информации не содержат вообще. Если предположить, что Чингисхан на самом деле дал характеристику своим сыновьям и отметил Тулуя как мастера войны, то насколько реалистично его высказывание о «покорении мира» и можно ли считать его «программным» в смысле завета потомкам завершить подчинение земель, известных монголам и остававшихся к осени 1227 г. независимыми? Те сведения, которыми исследователи располагают на данный момент, позволяют использовать свидетельство Рашид ад-Дина в пользу предположения об универсалистских замыслах Чингисхана, но их, на наш взгляд, все-таки недостаточно для того, чтобы предположение стало гипотезой. Даже принимая во внимание хорошую информированность персидского историка и присутствие рядом с ним носителей монгольской традиции, какими показаны Пулад-чинсанг и сам Газан-хан, необходимо помнить, что «Сборник летописей» – источник сравнительно поздний и к тому же откровенно промонгольский. Поэтому не будем торопиться высказывать догадки о неявно провозглашенной умирающим ханом войне за овладение всей вселенной.

Поиск истоков «монгольского империализма» уже давно привел историков к выше-упомянутому *курултаю* 1235 г., описанному в нескольких источниках, в том числе и в «Сборнике летописей». Скорее всего, Рашид ад-Дин почерпнул о нем информацию из труда Джувейни и точно передал суть дела, как она виделась самим монголам, вслед за Джувейни перекладывая ответственность за предстоящее кровопролитие на слишком свободолюбивых соседей: «Так как некоторые окраины государства еще не были [полностью] покорены, а в других областях действовали шайки бунтовщиков, он занялся исправлением этих дел. Каждого из родственников он назначил в какую-нибудь страну, а сам лично намеревался направиться в Кипчакскую степь» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 35]. Акценты расставлены так, что речь идет фактически не о захвате новых земель, а о наведении порядка на своих территориях, в сфере непосредственных монгольских интересов. Насколько нам известно из пересказов хаганских писем русским князьям и венгерскому королю Беле IV (1235–1270) [Матузова, 1979, с. 152, 181; Хаутала, 2015, с. 389], эта сфера в годы правления Угэдэя расширилась до размеров всего населенного людьми пространства. Это подтверждают и направления монгольских ударов, последовавших вскоре за решениями *курултая*: Дешт-и кипчак, Русь и далее на запад, Южная Сун и восточные части Тибета, Кашмир и Хиндустан. По-видимому, поводом для этого собрания монгольской знати было успешное завершение длительной войны с чжурчжэнями и недалековидные действия южно-сунского императора – недавнего союзника, а теперь врага монголов. Требовалась выработка плана даль-

⁴ Ниже этот фрагмент завещания изложен иначе: «Кто хочет [научиться] обхождению с людьми, наукам (sic!), отваге и владению оружием, пусть состоит при Тулуй-хане» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 94].

нейших действий, так как монгольская военная машина уже не могла остановиться. Она приводилась в действие двумя механизмами: так называемой «престижной экономикой» кочевого общества и идеологией универсальной монархии. Результатом было продолжение экспансии Монгольской империи.

В принципе, средневековые войны вряд ли нуждались в оправданиях со стороны победителей, каковыми в нашем случае являлись монголы. Рашид ад-Дин находит нужным объяснить причины монгольской агрессии, но вместо этого нередко выдает поводы. Так, великолепно показана мотивация возобновления военных действий против Южной Сун при хагане Мункэ (1251–1259): «Тогда Даракан из племени икирас, приходившийся зятем Чингиз-хану, сказал: “Государство Нангяс так близко и с нами враждует, почему мы оставляем [это] без внимания и медлим?”. Менгу-каан похвалил ту речь и сказал: “Каждый из наших отцов и старших братьев, прежних государей, совершил какое-либо деяние, брал какую-нибудь область и возвысил свое имя среди людей. Я тоже лично выступлю в поход, чтобы пойти на Нангяс»» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 145]. Возможно, слава Чингисхана не давала его сыновьям и внукам жить спокойно. Однако поход Мункэ завершился трагично: хаган умер под стенами китайской крепости, возможно, от холеры, и его смерть спровоцировала борьбу за власть, положившую начало распаду империи.

Стержнем идеологии как единой Монгольской империи, так и ее частей, в том числе Ильханата, было наследие Чингисхана. Рашид ад-Дин приводит много высказываний, приписываемых Чингисхану, из которых видна его программа действий и заветы потомкам. Разумеется, нельзя принимать любое такое высказывание за подлинное, но, по крайней мере, мы можем предполагать на их основании, каким представлялся Чингисхан в Ильханате в начале XIV в. Его образ в «Сборнике летописей», несомненно, заслуживает отдельного изучения. Здесь отметим лишь самое главное: Рашид ад-Дин изображает этого человека как абсолютно легитимного монарха, которому с самого рождения было предопределено «высшей истиной» править людьми и владеть царствами, его войны справедливы, он нес народам освобождение от тирании незаконных притеснителей и узурпаторов.

Наследие Чингисхана оказалось незыблемым даже в условиях исламизации монгольской элиты, хотя Рашид ад-Дин умело изъясил из него некоторые элементы и заменил уместными в мусульманской среде. Религией Чингисхана был шаманизм в его центрально-азиатской форме с акцентом на роли Вечного Синего Неба, получивший название тэнгрианства. Под каламом Рашид ад-Дина тэнгрианство превратилось в некий прото-ислам. Законы (*Яса*), традиционно приписывавшиеся Чингисхану, были еще Джувейни сопоставлены с шариатом и найдены кое в чем с ним согласующимися [Juvaini, 1997, p. 25]. Рашид ад-Дин уже не поднимает этот вопрос, упоминая *Ясу* с неизменным уважением во многих местах своего сочинения. Так, когда после смерти Гуюка (1246–1248) долго решался вопрос престолонаследия, Бату (1209–1255/1256) привел следующий довод в пользу избрания Мункэ: «Из царевичей только один Менгу-каан видел своими глазами и слышал своими ушами ясу и ярлык Чингиз-хана» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 130]. В юаньском Китае якобы знание *биликов* (мудрых изречений) Чингисхана и их декламация помогло Тэмурю (1294–1307) обойти своего соперника Камалу на пути к трону [Рашид ад-Дин, 1960, с. 206].

Газан отдал Рашид ад-Дину распоряжение о составлении исторического труда в самом начале XIV в., в период обострения противостояния Ильханата и мамлюкского Египта. Обратившемуся в ислам Газану требовался имидж просвещенного мусульманского монарха, а в это понятие входило покровительство наукам, в том числе историческим. Более того, по обоснованному мнению С. Камолы, труд Рашид ад-Дина нес мощный идеологический посыл, соответствующий усилиям Газана создать образ одновременно монгольского, иранского и исламского государя [Kamola, 2019, p. 85]. Не менее важно было противопоставить

египетским султанам – потомкам рабов, купленных на невольничьих базарах, богатую родословную ильханов, чтобы иметь право диктовать им свою волю.

История монгольского правящего рода была к началу XIV в. более или менее хорошо известной на мусульманском Востоке. Обычно она начиналась с Чингисхана или, реже, с его отца Есугэя, а про их предков вряд ли что-то знали. Возможно, эта информация содержалась в некоей «Золотой книге», доступ к которой был крайне ограничен. Ввиду того, что сам Есугэй не был особенно знатным и носил почетное прозвище «*багатур*», а не «хан», требовалось ретроспективно возвысить его статус и найти среди его предков великих степных самодержцев. Вероятно, задолго до этого неизвестный автор «Сокровенного сказания монголов» уже проделал такую работу, и отредактированная родословная попала в «Золотую книгу», откуда ее пересказали Рашид ад-Дину. Последний тоже внес какую-то правку, в результате чего тотемистический первопредок Бортэ-Чино стал «почетным эмиром» [Рашид ад-Дин, 1952(1), с. 9], а Есугэй и полулегендарный Бодончар обрели высший в тюрко-монгольском мире титул «каан» [Рашид ад-Дин, 1952(1), с. 130; 1952(2), с. 14], т.е. «хан над ханами».

Рашид ад-Дин объяснил смысл звания самого Чингисхана, однако его версия не считается убедительной: «По-монгольски же “чин” – значит “крепкий”, а Чингиз – множественное от него. Причина была та, что в то время у великих государей кара-хитаев титулом был гур-хан, а значение [слова] “гур” также – “крепкий”, и до тех пор, пока государь не бывал предельно велик, его не называли гур-ханом. На монгольском языке прозвание Чингиз-хан имеет тот же смысл, что гур-хан, но с более преувеличенным значением, так как оно есть множественное число, и обобщить это слово можно, например, с персидским “шаханшах»» [Рашид ад-Дин, 1952(1), с. 167. Ср. Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 150, 253]. Интересно, что Рашид ад-Дин не находит соответствий этому званию в современном ему мире ислама. Авторство он приписывает известному Тэб-Тэнгри, которого считают идейным вдохновителем Чингисхана.

Четвертый сын хонхотанского Мунлика-эчигэ Тэб-Тэнгри (Кокочу)⁵ – знаковая фигура монгольской истории начала XIII в. Уже у Джувейни есть рассказ о том, как Тэб-Тэнгри донес до монголов волю Вечного Неба относительно Тэмучжина: «В это время появился человек, о котором я слышал от заслуживающих доверия монголов, что во время сильного холода, который царит в тех краях, он ходил голым по пустыне и горам, а затем возвращался и говорил: “Бог говорил со мной и сказал: ‘Я дал все лицо земли Тэмуджину и его детям и назвал его Чингиз-ханом. Прикажи ему вершить правосудие таким-то образом’”. Они звали этого человека Тэб-Тэнгри, и что бы он ни говорил, Чингиз-хан беспрекословно следовал» [Juvaini, 1997, p. 39]. Рашид ад-Дин поведал о нем более развернуто: «Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: “Бог со мною беседует, и я посещаю небо!”. Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: “Бог повелел, чтобы ты был государем мира!”. И чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: “Повелением бога имя твое таково должно быть!” ... У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в [самое] сердце зимы, в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных [местностей] тех областей, садиться голым на лед. От тепла его [тела] замерзшая вода растаивала и от воды поднимался пар. Монгольское простонародье и отдельные лица говорят, – и [это] стало общеизвестным, – что он ездил на небо на белом коне» [Рашид ад-Дин, 1952(1), с. 167. Ср. Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 253]. Какие цели преследовал сам Тэб-Тэнгри, неясно. В «Сокровенном сказании» он показан как честолюбивый интриган, домогавшийся власти для себя, а не для Тэмучжина, что, надо полагать, и послужило в конечном счете причиной его устранения. Этот источник не говорит о чудесах, якобы явленных Тэб-Тэнгри, но

⁵ О значении его прозвища см.: [The Secret History of the Mongols, 2004, p. 869–873].

сообщает о его претензии на верное толкование знаков Неба: «Вечный Тенгриий вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару» (*möngke tenggeri-yin jarliq qan ja'arit ügülemü nikente Temüjin ulus barituqai ke'emü nikente Qasar-i ke'emü*) [Козин, 1941, § 244; Rachewiltz, 1972, p. 139–140]. Здесь существенно то, что монгольское слово “ulus”, переведенное С.А. Козиным как «государство», а И. де Рахевильцем как “nation”, во всяком случае никогда не означало «весь мир» [Aigle, 2015, p. 2]⁶. Разговор шел о кочевниках, вставших под знамена Чингисхана. Других пророчеств Тэб-Тэнгри в «Сокровенном сказании» нет. Естественно, их отсутствие там не означает, что они не прозвучали вообще, но нам все-таки приходится исходить из задокументированных сведений, какими бы сомнительными они ни были, а не из чисто гипотетических спекуляций, ввиду чего можно скорее допустить поздние интерпретации, нежели исходные заявления монгольского «воххва» о щедрости Неба, подарившего Тэмучжину/Чингисхану всю земную поверхность. Напомним, что и Джувейни, и Рашид ад-Дин должны были объяснить своим читателям, на каком основании потомки Чингисхана овладели Ираном и другими странами, и почему остававшиеся независимыми султаны обязаны были им покориться. Монгольская легенда о Тэб-Тэнгри в новом изложении была для этого очень полезна.

Перейдем к следующему сюжету, очень важному для понимания монгольской идеологии имперского периода. Опять-таки вслед за Джувейни, Рашид ад-Дин повествует о своего рода «проповеди», которую удостоились выслушать от Чингисхана жители захваченной монголами Бухары: «Затем Чингиз-хан выехал из города. Он заставил явиться все население города, поднялся на мимбар загородной площади, где совершаются общественные праздничные моления, и после изложения рассказа о противлении и вероломстве султана сказал: “О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи [бузург] – предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я – кара господня. Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!”» [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 205; Juvaini, 1997, p. 105]. Уместно задать вопрос, почему завоеватель выбрал для этой цели именно бухарцев. Ответ уже давно не является секретом: по полученным Чингисханом известиям, в Бухару было доставлено серебро его каравана, разграбленного в 1218 г. в Отраре [Ибн ал-Асир, 2006, с. 353]. Наверное, любой мститель искренне верит, что он восстанавливает попранную справедливость и (если он не атеист) фактически исполняет Господню волю. Ничто, пожалуй, не мешало Чингисхану думать аналогично. Более того, будучи возведенным Вечным Небом во главу человечества, он был просто обязан стоять на страже учрежденных Небом неписаных законов и принципов, обозначавшихся чрезвычайно емким тюрко-монгольским понятием *törö*, которое в данном контексте можно условно передать как «миропорядок». Вероломное убийство купцов и послов и разграбление каравана, несомненно, этот миропорядок нарушили. В этом смысле Чингисхан имел все основания провозгласить себя «карой Господней», что очень удачно совпало с восприятием мусульманами и христианами монголов, вообще, как «бича Божьего» [May, 2018, p. 32–57]⁷. Очевидно, последние охотно согласились с этой ролью, не просто сулившей им большое

⁶ Подробнее об этом понятии см.: [Скрынникова, 2011; 2013, с. 34–40, 108–119].

⁷ Ощущения православного населения русских княжеств, попавших в ордынскую неволю, наглядно выражены в Лаврентьевской летописи: «Грѣх ради наших. и неправды. за оумноженье безаконии наших попусти Богъ поганая. не акы милая ихъ. но нас кажа. да быхом встягнулися. от злыхъ дѣлъ. и сими казньми казнить нас Богъ. нахоженьемъ поганыхъ. се бо есть баготь его. да негли встягнувшеся от пути своего злаго» [Полное собрание русских летописей, 1927, стб. 462].

идеологическое преимущество в борьбе с врагами, но и в полной мере корреспондировавшей с их представлениями о самих себе.

Изучение монгольской дипломатики имперской эпохи приводит к заключению, что, прежде чем начать военные действия против какой-либо страны, монголы посылали туда ультиматумы, часть которых сохранилась в источниках в виде точных цитат или пересказов и по меньшей мере один – в оригинале. Произведение Рашид ад-Дина донесло до нас восемь фрагментов ультиматумов. Вследствие их неполноты они редко используются историками, однако их композиция позволяет видеть в них переложения подлинных посланий, демонстрирующих монгольские претензии на всемирную власть. Самым известным и одновременно спорным из них является самое первое, отправленное жителям Нишапура в мае 1220 г.: «Да ведают эмиры, вельможи и подданные, что всю поверхность земли от [места] восхода солнца до [места] захода господь всемогущий отдал нам. Каждый, кто подчинится [нам], – поощрит себя, своих жен, детей и близких, а каждый, кто не подчинится и выступит с противодействием и сопротивлением, погибнет с женами, детьми, родичами и близкими ему!» [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 211. Ср. Rashiduddin Fazlullah, 1999, p. 251]. Здесь, как и во многих других местах, Рашид ад-Дин воспроизводит текст Джувейни, который создавался, как принято считать, в 1250-е гг., и мог быть анахронизмом [Jackson, 2017, p. 75, 450; Biran, 2021, p. 228–229]. Анализ этого ханского ярлыка привел нас к предположению, что он, скорее всего, действительно рассылался в города и крепости во владениях хорезмшахов, но было бы преждевременно и крайне рискованно утверждать, будто монголы в те годы уже приценивались ко всей ойкумене⁸. «Вся поверхность земли», о которой говорится в ультиматуме, – скорее всего, лишь трафаретный образ из политической культуры кочевников, идейное наследие тюркских каганатов, и в реальности он подразумевал только «беспредельную» степь.

Наконец, следует остановиться на таком факте. Несмотря на то, что Рашид ад-Дин уделил должное внимание распрям среди Чингисидов, завоеванные ими земли показаны как коллективная собственность рода Чингисхана, и историк неоднократно повторяет мысль о единодушии, которое помогло монголам достичь мирового главенства и к сбережению которого призывал Чингисхан. Утрата политического единства после 1260 г. не выдвигается на передний план, а центром империи обозначен Пекин, лояльность которому автор неоднократно подчеркивает. Например, вполне законные претензии Ариг-Буки на хаганство квалифицируются как неудачная попытка узурпации: «Ариг-Бука, когда услышал известие о смерти брата (Мункэ. – Ю.Д.), позарился на трон и царство» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 148]; «Когда Ариг-Бука пожелал в сердце своем стать кааном и возмущился против [своего] старшего брата Кубилай-каана...» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 152].

«Двойные интронизации» ильханов подтверждают их формальную зависимость от вышеупомянутого «каана» – хозяина империи Юань, который выдавал им ярлыки на право осуществлять властные полномочия в своем государстве. Когда Абагу (1265–1282) провозгласили ильханом, он якобы сказал: «Кубилай-каан старший брат, каким образом без его соизволения можно воссесть [на престол]». Абага правил, сидя на стуле, пока от Хубилая (1260–1294) не был доставлен ярлык на ханство, и только тогда он занял почетное место [Рашид ад-Дин, 1946, с. 66–67, 86]. Аргун (1284–1291) тоже «во второй раз воссел на ханский престол» после получения ярлыка из Пекина [Рашид ад-Дин, 1946, с. 116]. Впрочем, еще более весомым аргументом являются легенды на монетах, битых в Ильханате начиная с правления Хулагу (1256–1265) и кончая Аргуном. На них, наряду с

⁸ Проанализировав конфликт Чингисхана и Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220), Т. Мэй пришел к аналогичному выводу: аргументов в поддержку идеи о желании Чингисхана овладеть всем миром нет, и с хорезмшахом он хотел торговать, а не воевать [May, 2020, p. 224].

именем правящего ильхана, упоминается титул «каан», причем на монетах эпохи Хулагу названо его имя – Мункэ, а на более поздних подразумевается, но не называется Хубилай. С приходом к власти Газана упоминания «каана» с монет исчезают, зато легенда украшается монгольской имперской формулой «Силой Неба!» (*tengri-yin küčündür*) [Blair, 1983; Amitai, 2021, p. 214–219, 240]. С этого времени источники уже не говорят о каанских пожалованиях трона Хулагуидам; молчит об этом и Рашид ад-Дин.

Персидский историк не выдвигает, как можно было бы ожидать, открытых обвинений в сепаратизме против Джучидов, с которыми Хулагуиды конфликтовали практически в течение всей истории Ильханата. Однако его частые апелляции к заветам Чингисхана о единстве дают повод полагать, что он таким способом демонстрирует отступление потомков Джучи от императива согласия среди всех членов «золотого рода». При чтении «Сборника летописей» монгольская власть над почти всем человечеством кажется несокрушимой, хотя от года казни его автора до краха Ильханата пройдет всего лишь 17 лет, а еще 33 года спустя рухнет Юань, что знаменует окончание монгольской гегемонии в Евразии. Маловероятно, чтобы Рашид ад-Дин предвидел эти события. Его труд остался памятником великой империи, которую с благословения «высшей истины» смогли создать никому прежде не ведомые племена из глубин Азии.

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу, подчеркнем: «Сборник летописей» не содержит материалов, которые позволили бы однозначно заключить, что после объединения под своей властью кочевников Чингисхан планировал захват всех известных ему стран или что он заповедал осуществить это своим сыновьям. В каждой проведенной им военной кампании хорошо видна конкретная причина, практически всегда сводимая к мести. Отсюда, по нашему мнению, вытекает разнонаправленность и некоторая непоследовательность этих кампаний: начав серией походов вражду с Си Ся, Чингисхан переключился на войну с Цзинь и, не доведя ее до конца, с основной массой войск ушел на запад карать хорезмшаха, после чего вернулся мстить тангутскому государю, в то время как сын хорезмшаха, гораздо более опасный для монголов, чем его отец, все еще не был убит или пойман. Чингисхан заложил фундамент Монгольской империи, но он вряд ли замыслил воздвигать все здание. Он поделил между сыновьями пригодные для привычной кочевой жизни территории, а осваивать остальное географическое пространство, находившееся в руках как кочевых, так и оседлых народов, выпало на долю Угэдэя. Рашид ад-Дин детализирует информацию о зарождении «монгольского империализма» при Угэдэе, заимствованную у Джувеини, и демонстрирует эволюцию имперских идей при последующих великих ханах. Он также сообщает много подробностей о функционировании Монгольской империи: механизмах управления, экономической и законодательной сферах, естественно, уделяя самое пристальное внимание делам Ильханата [Petrushevsky, 1970], но освещение этих вопросов, достаточно хорошо разработанных другими исследователями, не входит в наши задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дробышев Ю.И. Идеология монгольского мирового доминирования в «Истории завоевателя мира» Ата-Мелика Джувеини. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 163–173 [Drobyshev Yu.I. Ideology of the World Domination in “The History of the World-Conqueror” by Ata-Melik Juvaini. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 1. Pp. 163–173 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. *Ал-камил фи-т-та’рих (Полный свод истории)*. Пер. П.Г. Булгакова, доп. Ш.С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Asir. *Al-kamil fi-t-ta’rih (Complete Summary of History)*. Tr. by P.G. Bulgakov, add. by S.S. Kamoliddin. Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)].

Козин С.А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [Kozin S.A. *Secret History. Mongolian Chronicle of 1240.* Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941 (in Russian)].

Матузова В.И. *Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий.* М.: Наука, 1979 [Matuzova V.I. *English Medieval Sources of the 9th–13th Centuries. Texts, Translation, Commentary.* Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Плано Карпини, Иоанн де. *История монголов: Текст, перевод, комментарии.* Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; пер. А.А. Вовина, П.В. Лукина. М.: ИДВ РАН, 2022 [Plano Carpini, John de. *The History of the Mongols: Text, Translation, Comments.* Ed. by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; tr. by A.A. Vovin, P.V. Lukin. Moscow: IFES RAS, 2022 (in Latin and Russian)].

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1927 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1. The Laurentian Codex. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1927 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. I. Кн. 1. Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952(1) [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles.* Vol. I. Book 1. Tr. by L.A. Khetagurov. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952(1) (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. I. Кн. 2. Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952(2) [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles.* Vol. I. Book 2. Tr. by O.I. Smirnova. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952(2) (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. II. Пер. Ю.П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles.* Vol. II. Tr. by Y.P. Verkhovsky. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. III. Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles.* Vol. III. Tr. by A.K. Arends. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1946 (in Russian)].

Скрынникова Т.Д. Социальная структура монгольского улуса. *Средние века.* 2011. № 72. С. 352–368 [Skrynnikova T.D. The Social Structure of the Mongolian Ulus. *Srednie Veka* (= *The Middle Ages*). 2011. No. 72. Pp. 352–368 (in Russian)].

Скрынникова Т.Д. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана.* СПб.: Евразия, 2013 [Skrynnikova T.D. *Charisma and Power in the Era of Genghis Khan.* Saint Petersburg: Evrazia, 2013 (in Russian)].

Хаутала Р. *От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах.* Казань: Институт истории АН РТ, 2015 [Hautala R. *From “David, King of the Indies” to “The Hated Plebs of Satan”. An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols.* Kazan: Institut istorii AN RT, 2015 (in Latin and Russian)].

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа. Пер. С.В. Аксенова, А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002 [The Christian World and “The Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan Mission of 1245. “The History of Tartar” by Brother C. de Bridia. Tr. by S.V. Aksenov, A.G. Yurchenko. Saint Petersburg: Evrazia, 2002 (in Latin and Russian)].

Aigle D. *The Mongol Empire between Myth and Reality. Studies in Anthropological History.* Leiden, Boston: Brill, 2015.

Amitai R. Political Legitimation in the Ilkhanate: More Thoughts on the Mongol Imperial Ideology, the Introduction of Muslim Justifications, and the Revival of Iranian Ideals. *New Approaches to Ilkhanid History.* Eds.: T. May, D. Bayarsaikhan, Ch.P. Atwood. Leiden; Boston: Brill, 2021. Pp. 209–248.

Biran M. The Mongol Imperial Space: From Universalism to Glocalization. *The Limits of Universal Rule: Eurasian Empires Compared.* Eds.: Y. Pines, M. Biran, J. Rüpke. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Pp. 220–256.

Blair Sh. The Coins of the Later Ilkhanids: A Typological Analysis. *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 1983. Vol. XXVI.3. Pp. 295–317.

Jackson P. *Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven, London: Yale University Press, 2017.

Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Tr. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997.

Kamola S. *Making Mongol History: Rashid al-Din and the Jami' al-Tawarikh*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.

Krawulsky D. *The Mongol Ilkhans and their Vizier Rashid al-Din*. Frankfurt: Peter Lang, 2011.

May T. The Mongols as the Scourge of God in the Islamic World. *Violence in Islamic Thought from the Mongols to European Imperialism*. Eds.: R. Gleave, I.T. Kristo-Nagy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. Pp. 32–57.

May T. Muhammad II Khwarazmshah Meets Chinggis Khan: A Tale of Hubris and Failed Leadership in the Thirteenth Century. *Historians on Leadership and Strategy. Case Studies from Antiquity to Modernity*. Ed.: M. Gutmann. Zurich: Springer, 2020. Pp. 215–232.

Petrushevsky I.P. Rashid al-Din's Conception of the State. *Central Asiatic Journal*. 1970. Vol. 14. No. 1/3. Pp. 148–162.

Rachewiltz, Igor de. *Index to the Secret History of Mongols*. Bloomington: Indiana University, 1972.

Rashid al-Din. Agent and Mediator of Cultural Exchanges in Ilkhanid Iran. Eds.: A. Akasoy, Ch. Burnett, R. Yoeli-Tlalim. London: The Warburg Institute; Turin: Nino Aragno Editore, 2013.

Rashiduddin Fazlullah. *Jami' u'l-Tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. Transl. and annot. by W.M. Thackston. Part 2. Cambridge: Harvard University, 1999.

The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Transl. and comment. by Igor de Rachewiltz. Vol. I–II. Leiden, Boston: Brill, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат
исторических наук, старший научный
сотрудник Санкт-Петербургского
государственного университета, СПб., Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior
Research Fellow, Saint-Petersburg State
University, Saint-Petersburg, Russia.